

Есть в романе «Война и мир» маленький худой артиллерист с трубочкой, закушенной набок, — штабс-капитан Тушин. Вот он стоит в одних чулках (сапоги отдал сушить) перед штабным офицером, «улыбаясь не совсем естественно». Офицер недоволен. «Почему без сапог?» — «Солдаты говорят: разумшись ловчее».

«Я ПРИШЁЛ В МИР ДОБРЫЙ, РОДНОЙ
И ЛЮБИЛ ЕГО БЕСКОНЕЧНО.
Я УХОЖУ ИЗ МИРА ЧУЖОГО, ЗЛОБНОГО, ПОРОЧНОГО.
МНЕ НЕЧЕГО СКАЗАТЬ ВАМ НА ПРОЩАНИЕ.
ВИКТОР АСТАФЬЕВ»

Маленький человек со слабыми неловкими движениями со своей батареей из четырёх пушек оказался в центре сражения. Батальон прикрытия батареи сняли, и его ребята били картечью по наступавшему противнику. Дальше — обычное дело: «Про батарею Тушина было забыто». После сражения, где две трети его людей были перебиты, Тушина вызвали к Багратиону.

— Каким образом орудие оставлено?

— Не знаю... ваше сиятельство... людей не было, ваше сиятельство...

— Вы бы могли из прикрытия взять!»

Тушин не сказал, что батальон прикрытия был снят кем-то. И князь Андрей прервал молчание:

— И ежели, ваше сиятельство, позволите мне высказать своё мнение, то успехом дня мы обязаны более всего действию этой батареи и геройской стойкости капитана Тушина с его ротой...»

Только и сказал Тушин Андрею Болконскому: «Вот спасибо, выручил, голубчик».

У него язык не повернулся бы самого себя назвать патриотом, потому что, по Толстому, в этом слове — «скрытая теплота». Именно так — «теплота», и обязательно «скрытая». Академик Лихачёв заметил, что истинно верующие люди крестик носят не напоказ. Косоворотка — она для чего нужна? Если во-

рот вдруг распахнётся — крест от чужого взгляда уберечь.

Пушкин: «Истинный вкус состоит не в безотчётном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности».

Мандельштам в первую годовщину гибели человека, наступившего «на горло собственной песне»:

*Я пью за военные астры, за всё,
чем корили меня,
За барскую шубу, за астму,
за желчь петербургского дня...
Я пью, но ещё не придумал —
из двух выбираю одно:
Весёлое асти-спуманте
иль папского замка вино?*

Твардовский:

*Не стойте только над душой,
Над ухом не дышите.*

В октябрьские дни 1993 года Астафьев присоединился к «письму сорока двух», обращению писателей к Ельцину: «Раздавите гадину!» Вопреки алфавиту его подпись стояла последней.

Свидетельство Валерия Виноградова: «Совершенно случайно наткнулся я на обращение писателей, под которым стояла подпись и Виктора Петровича, к Ельцину. Я позвонил Решетову, прочитал обращение по телефону: «Эти тупые негодяи, защищающие советскую власть, уважают только силу. Так не пора ли, Борис Николаевич, продемонстрировать всем им силу...»

Решетов долго молчал, потом глухо спросил:

— Что ты хочешь от меня услышать? Осуждаю ли я Виктора Петро-

вича, подписавшего это обращение к Ельцину? Так вот, хорошо слышишь меня?

— Хорошо.

— Я не осуждаю его. — И бросил трубку.

Астафьева ненавидели баркашовцы-макашовцы, зюгановцы-прохановцы. Его не понимала значительная часть нашего общества. Он мог рубануть, не различая полутонов. «Я сел и работать начал, а раньше б за топор схватился, рубить бы начал направо и налево».

Страшные последние слова оставил он нам: «Я пришёл в мир добрый, родной и любил его бесконечно. Я ухожу из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать вам на прощанье. Виктор Астафьев».

На исходе жизни Решетов сумел найти такие слова:

*Собрать бы последние силы,
Склониться над белым листом
И так написать о России...*

Астафьев был погружён в политическую жизнь страны. Он вышел из обоймы, он выпал из колоды, куда его поместили. Он ушёл из редколлегии журнала «Наш современник». Он порвал со столь близкими ему в начале Василием Беловым, Валентином Распутиным. Однако же никакой партии не удалось поставить его под свои знамёна.

Именно сейчас думаешь, как не хватает Астафьева! Всем нам. Никто не смог его заменить. Его, человека, окончившего шесть классов, человека, искалеченного войной физически и душевно, томимого «тоской по мировой культуре». Ведь он, всю жизнь проживший, по слову любимого им критика Александра Макарова, «во глубине России» — в Перми, Вологде, Красноярске, — именно мировой, а не только национальный писатель. Били его и справа и слева. Как капитан Ахав из мелвилловского «Моби Дика», он бросил вызов злу, ненависти, войне и сказал всё, что хотел, — «с последней прямоотой». В «Ночи космонавта» он взлетел над Землёй и опустился на Землю и увидел небо из сибирской тайги как пашню, засеянную звёздами, и спасательный вертолёт шёл на свет за тепленной на поляне свечи, и никаких границ не было ни в небе, ни на Земле. ❏